

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
М76

Все права защищены.
Любое использование материалов данной
книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Подготовка текстов и примечания *Ф.М. Лурье*

Моммзен, Теодор.

М76 История Рима / Т. Моммзен. — Москва : Издательство
АСТ: ОГИЗ, 2020. — 352 с. — (Тайны мировой истории).

ISBN 978-5-17-119742-1

«История Рима» – один из фундаментальных трудов известного немецкого историка Теодора Моммзена (1817–1903), принесшая своему автору всемирную славу и Нобелевскую премию по литературе.

Книга написана на основании исторических данных, собранных Моммзеном во время многолетних поездок по Италии, и посвящена истории Древнего Рима со времен его основания, завоеваний Ганнибала и Сципиона, правления Помпея и до диктатуры Суллы и Цезаря.

В 1909 г. известный историк и археограф Н.Д. Чечулин в целях ознакомления широкого круга читателей с этой чрезвычайно полезной книгой сделал ее сокращенное изложение, оно и предлагается вниманию всех, кого интересует история античности.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-17-119742-1

© Ф.М. Лурье, предисловие, примечание, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

ТЕОДОР МОММЗЕН И ЕГО «ИСТОРИЯ РИМА»

Древний Рим. На развалинах этого исполина возникло и сформировалось большинство западноевропейских государств. Из глубин его бытия пришли к нам многие учреждения, зачатки современной литературы и юриспруденции, шедевры архитектуры. История Рима волнует наше воображение обилием драматических событий, ярких выдающихся личностей. Быть может, именно поэтому Рим привлекал наиболее талантливых исследователей. Среди них самое почетное место принадлежит Моммзену.

Крупнейший немецкий историк, филолог и юрист Теодор Моммзен (1817—1903) родился в семье провинциального пастора в Шлезвиг-Гольштейне. Талантливый юноша легко поступил на юридический факультет Кильского университета и в 1843 году завершил учебу блестящей защитой докторской диссертации по римскому законодательству. Завоевав право на научную командировку, Моммзен четыре года путешествовал по Италии, изучая и копируя исторические источники, относящиеся к первому тысячелетию до н.э. По результатам исследований он опубликовал серию статей, что сделало его имя известным в научных кругах и позволило продолжать начатую работу. За несколько поездок Моммзен, сначала один, затем с друзьями и учениками, собрал, обработал и систематизировал более ста тысяч документов по римской истории. Их издание началось в 1863 году и разместилось в 20 томах. Даже если бы

Моммзен ничего более не создал, его имя было бы увековечено одним этим трудом.

Возвратившись в 1848 году в Киль, молодой исследователь принял участие в восстании против датских властей (Шлезвиг-Гольштейн в те времена принадлежал Дании) и получил ранение во время уличного сражения. После подавления восстания оставаться в Киле было опасно, и Моммзен принял приглашение Лейпцигского университета. В 1851 году за участие в политических выступлениях его лишили кафедры и запретили преподавание в Саксонии. Два года Моммзен читал лекции в Цюрихском университете, затем в Бреславле (ныне Вроцлав, Польша). В 1858 году он навсегда переселился в Берлин и возглавил в университете кафедру древней истории. «Слушать его лекции, — писал известный историк М. И. Ростовцев, — съезжались со всей Германии, — более — со всего культурного мира, лекции его и в особенности практические занятия были полны обаяния». Студенты питали к нему благоговение. Среди учеников Моммзена много выдающихся личностей, в их числе русский поэт Вяч. Иванов.

Ранняя известность Моммзена как талантливого исследователя быстро переросла в непререкаемый авторитет. Многие годы он исполнял должность постоянного секретаря Берлинской академии наук, был избран членом иностранных академий, при жизни узнал славу признанного гения. Его работоспособность поразительна, им опубликовано более полутора тысяч работ по истории, праву, лингвистике, эпиграфике, хронологии, нумизматике... Отмечая в 1893 году пятидесятилетие научной деятельности Моммзена, его коллеги по Берлинской академии наук писали юбиляру, что он «исполнил задачи, одолеть которые, казалось, было не под силу целому поколению ученых».

Самый известный труд Моммзена, принесший ему всемирную славу, — «История Рима». Она впервые изложена на основании корпуса исторических источников, найденных автором во время путешествий по Италии, на основании достоверных документов, а не сказаний и легенд. Первые три тома, охватывающие период от основания Рима до падения республики, вышли в 1854—1857 годах, пятый том, посвященный римским провинциям, появился в 1885 году, четвертый том,

в котором предполагалось изложить правление императоров, написан не был.

Книга имела необыкновенный успех. В Германии только при жизни автора она выдержала девять изданий. «Нет, быть может, — писал Ростовцев, — на немецком языке другого такого труда, где бы сочетались так гармонично мастерство литератора, истинного художника слова, с колоссальным даром научного синтеза и анализа». За эту работу Моммзен в 1902 году получил Нобелевскую премию по литературе — уникальный случай признания выдающихся заслуг историка. Ни до Моммзена, ни после него никому не удалось написать лучшей книги по истории Рима. Более того, многие специалисты называют ее в числе самых выдающихся трудов в области исторической науки.

С историей Древнего Рима можно познакомиться и по другим книгам. В них читатель найдет более точное ее изложение — исследователи обнаружили новые документы, неизвестные ранее факты, уточнили датировку сражений и восстаний, численность войск и имена вождей. Но эти книги не могут заменить труда Моммзена, ибо в нем дан блистательный анализ событий, свершившихся в важнейший период европейской истории, впервые сформулированы фундаментальные выводы. Они и сегодня поражают глубиной, точностью и объективностью.

Будучи проповедником имперской идеологии и поклонником сильной власти, автор не смог избежать тенденциозности в изложении некоторых событий. Не следует забывать, что «История Рима» создавалась в период борьбы за объединение германских земель и Моммзен активно в ней участвовал. В 1861—1866 годах он был депутатом прусского ландтага, а в 1873—1879 годах — германского рейхстага. До конца дней стареющий ученый не оставлял политической деятельности. Его страстные речи волновали жителей германских государств.

«История Рима» переведена на все европейские языки. В России она была впервые опубликована в 1858 году в переводе С. А. Шестакова, затем издана К. Т. Солдатенковым в 1885—1887 годах в переводе В. Н. Неведомского и А. Н. Веселовского, последнее издание вышло в 1936—1949 годах. Огромный объем труда Моммзена не позволял надеяться на знакомство с ним

широкого круга читателей, поэтому князь А. К. Горчаков (внук канцлера, лицейского однокашника А. С. Пушкина) заказал известному историку Н. Д. Чечулину сокращенное изложение первых трех томов «Истории Рима» Моммзена. Книга вышла в 1909 году и имела успех, в 1914 году издание было повторено. Оно и предлагается читателю.

Ф. М. Лурье

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1909 ГОДА

«Римская история» Моммзена — книга вечного значения. За пятьдесят лет, протекших с выхода ее в свет, много новых материалов сделалось достоянием науки, немало разъяснилось подробностей, которые были неясны или неизвестны Моммзену, но никакие новые открытия и исследования не лишат эту книгу ее главного значения: всегда и для всех будет поучительно и полезно познакомиться с тем, как смотрел человек такого могучего ума, как Моммзен, на жизнь народа, на задачи государства, на способы устраивать человеческое благополучие, на причины общественных бедствий, на тот огромный и непрерывный труд вообще, какого требует от людей государство и общество.

Из серьезной книги всякий читатель извлекает то, что наиболее подходит к кругу его понятий, что, отвечая иногда неясным для него самым запросам жизни, волнует его до глубины души. Сочинение Моммзена затрагивает ум и сердце читателя так, как немногие произведения всемирной литературы. К сожалению, сравнительно мало обращаются к этой замечательной книге, но это до известной степени понятно, — преодолеть не легкие по глубине и важности содержания первые главы и прочитать две тысячи страниц — задача, за которую многие не находят возможным и приниматься.

Предлагаемая книга передает в сжатом виде то, что у Моммзена изложено с несравненно большими подробностями в первых трех томах его сочинения: четвертый том не

был издан, а пятый, содержащий очерк состояния провинций при империи, с первыми тремя не связан непосредственно; составлена эта книга по моей просьбе лицом, вполне сведущим в исторических вопросах; все старания были приложены к тому, чтобы сохранить и связность рассказа, и равномерность изложения, и — главное — общий дух сочинения великого историка.

Решаюсь высказать уверенность, что эта книга принесет свою долю пользы. Если хоть немногих она несколько успокоит и утешит в тяжелое время, как то, которое еще так недавно пришлось пережить нашей родине, если хоть очень немногим даст она бодрость искренно, смело и с верой работать, несмотря на кажущуюся безвыходность и безотрадность положения, то цель этого труда достигнута.

11 ноября 1908 г. Кн. А. Горчаков

КНИГА ПЕРВАЯ. ДО УПРАЗДНЕНИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Глава I. Введение

На извилистых берегах Средиземного моря, которое и разделяет, и соединяет три части Старого Света, издревле жили народы разного происхождения, в историческом смысле представлявшие одно целое, так как они были в постоянных и близких отношениях между собою. История культуры этих народов и составляет то, что называется древнею историею. В самой глубокой древности началась цивилизация у коптского, или египетского, племени в Африке, затем у арамейской, или сирийской, нации в западной части Азии и, наконец, у эллинов и латинов в Европе. Народы каждого из этих четырех племен достигли путем само-бытного развития высокой степени цивилизации, затем вступили между собою в самые близкие, оживленные сношения и всесторонне и блестяще разработали все стороны человеческого развития прежде, чем новые племена, германские и славянские, влились огромною волною в государства Древнего мира, разрушили прежнюю общность жизни его народов, разделили исторические судьбы северного и южного берегов Средиземного моря и самый центр исторической жизни перенесли на берега Атлантического океана. Этим изменением в составе народов, действующих в Европе, и перемещением исторической жизни в новые страны началась новая история, т. е. создание новой культуры. Глубокими и многообразными связями соединяется она с тою, на смену которой явилась: человечество неизбежно многое черпает из цивилизации Древнего мира, как и он, в свою очередь, черпал

многое из древнейших, ему предшествовавших, цивилизаций. В свою очередь и народы нового мира переживут эпоху развития, эпоху полной силы и время одряхления, переживут счастливые периоды творчества в области религии, государственной деятельности и искусства, эпоху спокойного пользования накопленными умственными благами, а затем и период падения. Падение это будет преходящим: самая грандиозная цивилизация рано или поздно должна себя изжить и прекратиться, но не прекратится духовная деятельность самого человечества, ибо едва человеческий дух как бы достигает разрешения высших задач — он снова ставит себе подобные же задачи, но еще шире и выше.

В предлагаемой книге рассказана будет история последнего деятеля древней истории — латинского племени: старейшие поселения италийского племени на полуострове, опасности, угрожавшие его политическому и национальному существованию, отпор, оказанный италийцами чужеземцам, борьба латинов с другими родственными племенами, их торжество и объединение ими Италии, затем быстрое расширение латинского государства и распространение его власти на весь цивилизованный мир древности и, наконец, эпоха Юлия Цезаря, когда намечены были все пути, по которым с тех пор и идет человечество.

Глава II. Образование племени италийцев, их родство с эллинами

— Италийцы и эллины до разделения. Духовный склад эллинов и италийцев

Италия, так же как Греция, — благодатная страна, с мягким, умеренным климатом, которая требует от человека постоянного труда для удобного существования, но щедро вознаграждает за труд. Береговая линия Италии развита значительно менее, чем в Греции, и рядом с материком нет усеянного островами моря, поэтому мореплавание не развилось здесь так, как в Греции. Зато Италия удобнее для земледелия и скотоводства и обширнее.

Долгое время историческая жизнь италийских племен совершалась не на всем протяжении полуострова, не до Альп и реки По, а в средней и южной его части, в том пространстве, которое ограничено с севера Апеннинскими горами. Настоящею сердцевиною Италийской земли была средняя часть этого пространства, там, где лежат Этрурия, Кампания и Лациум. Эти области смотрят на запад, в то время как в Греции к востоку обращены Аттика и Македония — те области, которые явились главными деятелями в истории Греции. Так самою природою указано коренное различие исторической роли Греции и Италии: первая бросила семена своей цивилизации и наложила свою тень на восток, вторая — на запад.

О первом переселении людей в Италию, конечно, не сохранилось никаких сведений. В древности было всеобщим убеждением, что там, как и всюду, первые жители на месте и произошли. Устанавливать происхождение человеческих рас и племен дело не историка, а антрополога. Дело же историка — проследить постепенное наложение народностей в стране и смену одной культуры другою.

В большей части Европы арийскому населению предшествовало, как доказывают археологические изыскания, какое-то вполне исчезнувшее племя, стоявшее на весьма низком уровне развития, в Италии следов существования такого народа не найдено. В те времена, о которых можно судить уже с достаточными основаниями, на Апеннинском полуострове находились племена япигское, этруское и италийское, последнее делилось на две ветви: к одной принадлежали латины, к другой — умбры, марсы, вольски, самниты.

Япиги — племя, родственное эллинам. Они были, по-видимому, древнейшими поселенцами на полуострове. Жили они на крайней южной его оконечности, оттесненные туда позже пришедшими. В течение исторического периода существования италийских народностей япиги являются племенем слабым, вымирающим, и с течением времени они совершенно растворились в других племенах.

Италийцы ближе, чем какой-либо другой народ, родственны эллинам. Лингвистические исследования, которые вообще дают самые надежные выводы о древнейшем, доисторическом периоде жизни народов, свидетельствуют неоспоримо, что

когда-то, в глубочайшей древности, от общей массы арийцев отделилось какое-то племя, которое долгое время жило совместно, нераздельно, а затем распалось на две группы — одна из них дала впоследствии эллинов с их различными подразделениями, а другая — италийцев, которые также разделились на латинов и умбров, а затем и на другие, более мелкие этнографические величины, как эллины на ионян, дорян и пр.

Если выделить корни, общие всем арийским языкам, то определятся приблизительно те слова, которыми располагали индоевропейцы уже в ту отдаленнейшую эпоху, когда они составляли еще один народ, когда в их среде еще не обособилось определенно ни одно племя. Эти слова укажут нам и те понятия, которыми люди тогда располагали, ту степень культуры, которой они достигли. Такое изучение показывает, что индоевропейцы еще до своего разделения прошли уже стадии быта звероловного и рыболовного, что они были народом пастушеским, приручили уже быка, овцу, собаку, свинью, некоторых домашних птиц и даже начинали обрабатывать землю, они уже знали соль, виноградный сок, имели жилища, употребляли одежду, умели даже устраивать примитивные повозки и весельные лодки. У них сознавались уже ближайшие степени родственных отношений, они умели считать до ста, отличали светила небесные и имели не только первоначальные представления о божестве как о какой-то высшей силе, но и некоторые общие мнения о загробной жизни. Данные же языка доказывают, что то племя, которое впоследствии распалось на эллинов и италийцев, долго жило общею жизнью после выделения из общей массы арийцев. Данные языка и некоторые древнейшие обычаи доказывают, что еще до разделения этого племени на две главные его ветви выработались уже важнейшие приемы земледелия, способы измерения земель, устройство дома, подробности вооружения, что племя это еще за время нераздельного существования стало почитать божество домашнего очага, единственное божество, общее грекам и италийцам и вместе с тем не существующее в древнейшей мифологии всех индоевропейцев. Наконец, способ добывания огня трением одного куска дерева о другой и самые названия того и другого куска у эллинов и италийцев были одинаковы, и, значит, способ был найден еще в эпоху их нераздельного существования.

В отношении внешнего быта вообще эллины и итальянцы выступают на историческое поприще в условиях довольно близких. Не то было в области духовной жизни. Великая задача, предлежащая человеку, — жить в сознательной гармонии с самим собой, с себе подобными и с целым — допускает столько решений, сколько «обитателей в доме Отца», и в области духовной жизни всего резче различаются и отдельные люди, и отдельные народы. В этом отношении эллины и итальянцы так различны между собою, так своеобразны у тех и у других семья и государство, религия и искусство, что почти невозможно ясно представить тот умственный строй, то миросозерцание, в котором такие противоположности могли объединяться.

Эллины всегда приносили общее в жертву частному, нацией жертвовали для общин, а общинами — для отдельных лиц. Их идеалом была созерцательная жизнь, без труда, часто переходившая в праздность. Политическое развитие у них выразилось в усилении первоначального партикуляризма отдельных племен, а затем в разрушении общественных связей и в отдельных общинах. В религиозном отношении эллины сначала низвергли богов до человека, а затем и вовсе их отвергли. Они любили зрелище борьбы обнаженных юношей и предоставляли полный простор человеческой мысли во всем его страшном великолепии, а римляне воспитывали детей в почтении к отцу, граждан — в почтении к государству и всех — в почтении к богам. Они ничего не спрашивали и ничего не уважали, кроме полезной деятельности, и требовали, чтобы каждый миг своей короткой жизни человек отдавал труду, у них даже дети должны были скромно завертываться в свое платье, у них считался худым гражданином тот, кто хотел жить не так, как другие, и из отвлеченных идеалов только стремление к величию родины не считалось пустым. При таком коренном, глубоком различии миросозерцания эллинов и латинов у племени, когда-то объединявшего их, мы можем определить лишь самые общие черты семейного и общественного быта и религии и чаще должны будем указывать отличия, чем пункты сходства.

Супружеский союз, эта основа всякого общежития, у эллинов и итальянцев был одинаково отмечен нравственным и благопристойным характером, одинаково требовалось единоженство и единомужие. Но у итальянцев власть мужа, и особенно отца,

получила несравненно более сильное развитие, чем у эллинов. Род, т. е. союз потомков одного и того же родоначальника, у эллинов получил сильное значение по отношению к государству и имел очень мало власти и влияния на каждого отдельного члена. У италийцев, особенно у римлян, наоборот: пред сильно развившеюся идеею государства роды совершенно не сохранили своего значения, но в полной степени сохранили его по отношению к отдельным лицам. Это выразилось, между прочим, и в том, что у римлян родовое имя осталось главным, наиболее употребительным, и рядом с ним личные имена имели мало значения, были очень малочисленны и просты, иногда и вовсе не употреблялись в общежитии. У эллинов же, наоборот, личные имена пышны, громки, разнообразны, а родовые рано вышли из употребления. В отношении к рабам римляне сурово проводили принцип их бесправия, а греки рано внесли в рабство смягчения. Формы суда и наказания были, по-видимому, одинаковы в общий греко-италийский период, равно как и основы государственного устройства. И тут и там видим царя, сенат и народное собрание, имевшее власть только принимать или не принимать внесенные царем предложения, — древнейшее устройство критских общин, описанное Аристотелем, до мелочей сходно с устройством Рима времен царей. Общими были эллинам и латинам и разнообразные соединения отдельных племен в союзы, у германцев и кельтов вовсе не встречавшиеся.

В области религии общие в своей основе верования у эллинов и у латинов развились совершенно самостоятельно. У эллинов — царство живых образов, олицетворенные боги, у римлян — одна отвлеченность, одна идея, зато эта идея признавалась почти во всем, почти повсюду. Не только одни крупные явления или великие силы природы обожествлялись для римлян: римлянин чтит все, что духовно, и всякому бытию, и человеку, и лесу, и реке, и государству, даже таким действиям, как пахание, ограждение границ, заложение города и т. п., он придавал как бы душу и чтит ее. И такого рода религиозность надолго овладевала умами, как свидетельствует вся история Рима, с силою еще большею, чем почтение к человекоподобным богам у греков.

В развитии искусства особенно далеко разошлись эти два родственные племени. У латинов искусство долго оставалось на такой низкой ступени, как у народов, не имеющих никакой

культуры, — у эллинов же поэзия и ваяние быстро достигли такой высоты, какой никогда уже более не достигали: эллины научились рано ценить вдохновляющее могущество красоты и пользовались им, в Лациуме же не создавали и не признавали другого могущества, кроме могущества силы.

Таким образом, две родственные нации развились в двух совершенно противоположных направлениях, и обе развились вполне, потому что развились односторонне. Идеальный мир прекрасного был для эллина дороже и выше всего, в наслаждении им он забывал и личные печали, и недостатки своего государственного и общественного быта. Преимущества эллинов более ярки и более бросаются в глаза. Но дарования италийцев глубже, драгоценные их свойства — понимание того всеобщего, что рассеяно в частных явлениях, их покорность и способность к самопожертвованию, серьезная вера в своих богов. Отдельные личности могли страдать в таком народе, могли быть заглушаемы в людях их лучшие природные задатки, но отечество этих людей и их чувства к этому отечеству были таковы, каких не знал грек, и при государственном устройстве, основанном на самоуправлении, латины так развили свою национальность и вместе с этим достигли такого могущества, что им подчинились и эллинская нация, и весь мир.

Глава III. Поселения латинов.

Зачатки Рима

— Расселение латинов родами и общинами. Союз этих общин. Географическое преимущество Рима

Италийцы пришли на полуостров сухим путем, с севера: по-видимому, первоначально продвинулись латины и заняли равнину по берегу моря. За ними уже двигались умбры и сабелы и должны были удовольствоваться более суровою, гористою местностью. Область, занятая патидами, ограничивалась с запада морем, с юга и востока — горными цепями, а на севере переходила в обширную равнину. Почти вплоть до Тибра

с севера продвигались разные умбро-сабельские племена. Местность эта не отличается здоровым климатом: летом здесь свирепствуют лихорадки. Но для земледелия почва благодатна, и первоначальные поселенцы мирились с климатическими неудобствами — отчасти, быть может, потому, что были менее чувствительны к ним, отчасти потому, что боролись с ними не без успеха: римские поселяне долгие века сохраняли древний обычай следить, чтобы в жилище никогда не угасал огонь, а пылающий огонь, как доказано опытом, отлично предохраняет от заболеваний лихорадкою.

Древнейшие названия земельных участков в Лациуме почти сплошь являются родовыми прозвищами, из чего можно с уверенностью заключать, что латины селились здесь родами, но о внутренних отношениях в родах мы ничего не знаем. Отдельные общины были объединены между собою в своего рода союз, он связан был единством происхождения, языка и нравов и действовал сообща в случае войны наступательной или оборонительной. Отдельные роды имели небольшие укрепленные пункты. Волости, или соединения родов, имели такие же центральные укрепленные пункты, но более значительные, и еще во время империи так жили поселяне в наиболее глухих местах полуострова, а заброшенные остатки когда-то укрепленных пунктов встречались повсеместно.

Древнейшие волости возникли, по-видимому, между Албанским озером и Албанской горой: здесь была отличная земля, отличная вода. Здесь лежала и Альба, почитавшаяся с древнейших времен матерью Рима и других древнелатинских общин. Здесь лежали древнейшие латинские города Ланувий, Ариция, Тускулум. Здесь находились остатки древнейших сооружений. Тибур, Пренеста, Габин, Рим, Лаврент, Лавиний тоже принадлежали к числу древнейших общин, общее число их было, по-видимому, тридцать: этим числом чаще всего и в Италии, и в Греции определялось число составных частей общественных организаций. На Албанской горе ежегодно справлялся «латинский праздник», сохранявшийся долго и в исторические времена. Этот праздник, как у греков Панионии и Панбеотии, служил выражением единства латинского союза, существование которого несомненно, хотя подробности его устройства почти неизвестны.